

Научная статья

УДК 159.9.072.432

<https://doi.org/10.21702/rpj.2026.1.6>

Гендерные и возрастные аспекты стратегий преодоления кибербуллинга в подростковой среде: результаты кросс-культурного исследования (Россия и Казахстан)

Гульмира У. Утемисова^{1*} , Анастасия В. Микляева²

¹ Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: arimlug@mail.ru

Аннотация

Введение. Кибербуллинг представляет серьезную угрозу психологическому благополучию подростков, однако влияние гендерных, возрастных и культурных факторов на выбор стратегий преодоления остается недостаточно изученным, особенно в постсоветском контексте. Новизна исследования состоит в кросс-культурном анализе стратегий преодоления кибербуллинга. Цель исследования – выявление гендерных и возрастных аспектов стратегий преодоления кибербуллинга, демонстрируемых подростками в российской и казахстанской выборках. **Методы.** В исследовании использована адаптированная версия Coping with Cyberbullying Questionnaire (CWCQBQ), которая имеет удовлетворительные психометрические характеристики: экспертный консенсус (согласованность $\geq 80\%$), эксплораторный ($KMO=0.85$; $\chi^2=13691.213$, $p < 0.001$) и конфирматорный факторный анализ ($CFI=0.955$, $RMSEA=0.036$), подтвердившие инвариантность измеряемых конструкторов для выборок из России и Казахстана ($\Delta CFI < 0.01$). Участники: 404 подростка (206 из России, 198 из Казахстана; 43% мальчиков, 57% девочек) 11–17 лет. **Результаты.** Выявлены гендерные различия: девочки чаще используют «близкую поддержку» ($M=24.8 / 21.2$; $p < 0.01$) и «дистальный совет» ($M=15.8 / 13.9$; $p < 0.001$), мальчики – «выстраивание границ» ($M=12.8 / 12.0$; $p < 0.01$). Возрастная динамика: U-образный паттерн для «дистального совета» (пики в 12 и 16 лет), рост «близкой поддержки» к 17 годам. Кросс-

культурные различия: в казахстанской выборке выявлена более высокая ориентация на формальные стратегии, в российской – на цифровую автономию. **Обсуждение результатов.** Результаты подчеркивают роль культурных норм коллективизма и индивидуализма в формировании копинг-стратегий, направленных на преодоления кибербуллинга. В казахстанской выборке клановые структуры смягчают последствия кибербуллинга, в российской выборке доминирование цифровой автономии может маскировать эмоциональное избегание. Стратегии преодоления кибербуллинга детерминированы гендером, возрастом и культурой. Обоснована необходимость дифференциации профилактических программ: акцент на эмоциональную регуляцию (младший подростковый возраст), цифровую грамотность (средний) и укрепление социальных сетей (старший). Предложены семейно-ориентированные подходы для казахстанской выборки и тренинги технологической самоэффективности для российской.

Ключевые слова

кибербуллинг, стратегии преодоления, подростки, гендерные различия, возрастные аспекты, кросс-культурное исследование, Россия, Казахстан

Для цитирования

Утемисова, Г. У., Микляева А.В. (2026). Гендерные и возрастные аспекты стратегий преодоления кибербуллинга в подростковой среде: результаты кросс-культурного исследования (Россия и Казахстан). *Российский психологический журнал*, 23(1), 100–117, <https://doi.org/10.21702/rpj.2026.1.6>

Введение

Кибербуллинг как социальный феномен цифровой эпохи трансформирует не только формы агрессии, но и паттерны её преодоления. Если ранние исследования (Wolke et al., 2017) акцентировали его вторичность относительно офлайн-травли, современные работы (Солдатова, Рассказова, 2023) подчеркивают уникальность цифрового контекста: анонимность, вирусность, круглосуточную доступность. Это требует пересмотра классических моделей копинга (Lazarus & Folkman, 1984) через призму гибридной реальности (Маклюэн, 2007), где цифровые инструменты становятся «продолжением» личности, и разработки специфических стратегий преодоления, таких как выстраивание цифровых границ – блокировка агрессоров, настройка приватности, обучение эмоциональной саморегуляции (Boyd, 2014).

Однако гибридная природа цифровой идентичности, формируемая алгоритмическими системами, не только расширяет возможности самопрезентации,

но и создаёт новые уязвимости, особенно в контексте кибербуллинга. Если алгоритмы платформ, выступая «кристаллическими зеркалами», реконструируют самовосприятие через персонализацию контента (Ionescu & Licu, 2023), то кибербуллинг в этой гибридной реальности приобретает характер перманентного стрессора, нарушающего целостность цифрового «Я». Низкая алгоритмическая грамотность, усугубляющая когнитивные искажения, трансформирует сам механизм преодоления кибербуллинга: подростки, чья идентичность формируется в условиях цифровой гиперсвязности, вынуждены вырабатывать стратегии, одновременно защищающие их офлайн-чувствительность и онлайн-присутствие. Это объясняет актуальность исследования гендерно-возрастных особенностей выбора копинг-стратегий, где *выстраивание цифровых границ* (блокировка агрессоров, настройка приватности) выступает не просто техническим действием, а актом саморегуляции гибридной личности. Более того, синтез социальных и личностных категорий в самоописаниях подростков (Soldatova et al., 2022) коррелирует с предпочтением *дистальных* или *близких* стратегий: чем сильнее интеграция онлайн- и офлайн-идентичности, тем выше потребность в комбинированных методах – от эмоциональной поддержки до институциональной помощи. Таким образом, анализ кросс-культурных различий в преодолении кибербуллинга требует учёта особенностей цифровой социализации, которые могут как ограничивать репертуар копинга, так и стимулировать инновационные формы защиты «расширенной» идентичности. Современные цифровые платформы, такие как TikTok, активно используют алгоритмы для персонализации контента, что может приводить к формированию *эхо-камер* – информационных пузырей, где пользователи сталкиваются с усилением определённых паттернов, включая негативный контент (Ehn & Pita, 2023). **Алгоритмическая предвзятость**, проявляющаяся в фильтрации и рекомендациях, ограничивает доступ к альтернативным точкам зрения и ресурсам поддержки, что особенно критично в контексте кибербуллинга. Как показано в исследованиях цифровых кочевников, алгоритмы не только формируют онлайн-идентичность, но и усиливают социальную изоляцию, создавая условия для воспроизводства агрессивных сценариев (Boyd, 2014, Ionescu & Licu, 2023), что напрямую соотносится с культурно-историческим пониманием кибербуллинга как феномена цифрового опосредствования, где технологии не только усиливают агрессию, но и реструктурируют социальное взаимодействие (Солдатова, Войскунский, 2021).

При этом кросс-культурные различия в выборе стратегий преодоления кибербуллинга нельзя сводить лишь к вариациям цифровой грамотности или уровню технологической адаптации. Если гибридная реальность, по Маклюэну, задаёт общие рамки «расширения» личности через цифровые инструменты, то культурно-исторический контекст определяет, *как именно* эти инструменты реконструируют социальные практики. Так, выявленные эмпирически различия между российскими и казахстанскими подростками – цифровая автономия / клановая поддержка – отражают глубинное противоречие между технологическим детерминизмом и культурной традицией. Например, у подростков в казахстанской выборке поддержка клановых структур способствует восстановлению

границ к 15–17 годам, тогда как в российской выборке доминирует цифровая автономия, что согласуется с теорией индивидуализма (Görzig, Machácková, 2015). Эти различия подчеркивают необходимость адаптации антибуллинговых стратегий к локальным контекстам, формирующих «рамки приемлемого» для цифрового поколения, где клановые связи и индивидуализм становятся не антагонистами, а комплементарными элементами новой экосистемы копинга.

Выявленные кросс-культурные различия в стратегиях копинга обнажают более глубокую методологическую проблему: противоречивость данных о распространённости кибербуллинга может быть не статистической погрешностью, а маркером культурно-обусловленных *механизмов репрезентации травмы*. В отличие от выводов глобального опроса Ipsos (McCarthy, 2018), где 0% российских родителей сообщили о случаях кибербуллинга, настоящее исследование выявило значительную распространённость проблемы среди подростков (N=404). Это указывает на то, что кибербуллинг в индивидуалистических обществах часто остаётся латентным из-за стигматизации жертв, тогда как в коллективистских культурах (Казахстан) клановые структуры обеспечивают открытое обсуждение и поддержку. Это создаёт противоречивую динамику: технологии, которые стандартизируют формы киберагрессии (например, анонимность и вирусность), сталкиваются с культурными различиями, кардинально меняющими то, как проблема воспринимается. В российской выборке цифровая автономия, соответствующая ценностям индивидуализма (Görzig, Machácková, 2015), действует как «двойной экран»: с одной стороны, даёт инструменты для блокировки агрессоров (Boyd, 2014), с другой – скрывает масштабы травли, так как жертвы «замалчивают» проблему из-за страха осуждения. В казахстанской выборке же клановые связи, перенесённые в цифровое пространство, не уменьшают частоту буллинга, но меняют его суть: из личной травмы он превращается в тему для коллективного обсуждения. Таким образом, расхождения в данных глобальных и локальных исследований – не ошибка, а результат культурных различий в восприятии проблемы. Гибридная идентичность (Маклюэн, 2007) влияет не только на то, как подростки преодолевают агрессию, но и на их готовность вообще говорить о ней. Это ставит под сомнение универсальные подходы к борьбе с кибербуллингом: программы должны учитывать культурные нормы, определяющие, что считается «личным», а что – «общественным», даже если технологии повсеместно навязывают одинаковые правила поведения в сети.

Однако синхронизация антибуллинговых программ с культурными кодами требует не только признания латентности проблемы в индивидуалистических обществах, но и переосмысления самой методологии её изучения. Если Wolke et al. (2017) трактуют кибербуллинг как «рябь на поверхности океана традиционной агрессии», то работы Soldatova & Rasskazova (2023) демонстрируют, что цифровая анонимность и вирусность контента трансформируют его в самостоятельный феномен, где технологические детерминанты (алгоритмы, платформы) становятся катализаторами «цунами» травмы, стирающего границы между онлайн- и офлайн-реальностью. Это противоречие

между классическими моделями (Wolke et al., 2017) и современными реалиями гибридной реальности актуализирует синтез теорий развития: интеграция концепций Стейнберга (Steinberg et al., 2017) о когнитивной пластичности подросткового мозга, Лернера (2018) о позитивном развитии через взаимодействие с контекстом и Арнетта (2000; 2016) о «зарождающейся взрослости» позволяет предложить стратегии, учитывающие двойственную природу цифровых инструментов – как «психологических орудий» (Выготский, 1984), так и источников «цифрового разлома» (Смирнов, 2023). Например, казахстанские «семейные цифровые патчи» (видеообращения старейшин в чатах) могут не только повышать эмпатию, как показано в исследовании Brewer & Kerlake (2015), где зафиксирован статистически значимый прирост показателей ($\Delta = +15\%$, $p < 0.05$), но и переопределять роль технологий – трансформируя их из алгоритмических посредников в проводники культурного авторитета. Это способствует компенсации «разлома» в коммуникации «взрослый–ребёнок» (Смирнов, 2013) за счёт интеграции традиционных ценностей в цифровое пространство. В российской выборке же тренинги технологической самоэффективности (активация префронтальной коры, $p < 0.01$) становятся инструментом интериоризации цифровых границ, где блокировка агрессоров (Boyd, 2014) эволюционирует из технического действия в акт личностного самоутверждения, нивелируя риски «функциональной инверсии» (Смирнов, 2023). При этом гендерный аспект, раскрытый Eagly & Wood в рамках теории социальных ролей, добавляет критическое измерение: если девочки используют платформы для укрепления связей, следуя паттернам эмпатии, то мальчики, как показал Wright (2017), чаще трансформируют технологии в инструменты избегания или агрессии, воспроизводя маскулинные стереотипы даже в гибридной реальности.

Цель и гипотезы исследования

Цель исследования – раскрытие закономерностей выбора подростками стратегий преодоления кибербуллинга через призму их гендерной, онтогенетической и кросс-культурной детерминации.

Гипотеза исследования базируется на предположении о том, что структура копинг-поведения в цифровой среде носит характер сложной дифференциации:

Гендерная специфика проявляется в дихотомии между социально-институциональными механизмами у девочек («близкая поддержка», «дистальный совет») и инструментально-автономными методами саморегуляции у мальчиков («выстраивание границ»).

Возрастная динамика характеризуется нелинейными (U-образными) паттернами, что отражает специфику когнитивной пластичности и фазы психосоциального созревания в подростковом возрасте.

Кросс-культурная вариативность (российская и казахстанская выборки) выступает значимым предиктором выбора ресурсов преодоления, детерминируя приоритет либо коллективистских (социально-клановых) сетей поддержки, либо индивидуалистических стратегий цифровой автономии.

Взаимосвязь стратегий обусловлена их функциональной сопряженностью, имеющей специфические корреляционные профили в зависимости от пола подростков.

Методы

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение стратегий преодоления кибербуллинга в подростковой среде с учётом гендерных и возрастных различий. В фокусе анализа – сравнительная оценка предпочтений подростков в российской выборке ($N=206$) и казахстанской выборке ($N=198$) в выборе четырёх ключевых стратегий:

1. **дистальный совет** (обращение к формальным институтам или авторитетам);
2. **выстраивание границ** (цифровая саморегуляция и ограничение взаимодействия);
3. **близкая поддержка** (поиск помощи в ближайшем окружении);
4. **активное игнорирование** (сознательное избегание конфликта).

Эмпирическую выборку составили 404 подростка в возрасте 11–17 лет ($M=13.7\pm 1.73$), из которых 57,2% – девочки ($n=231$) и 42,8% – мальчики ($n=173$). Социально-демографический профиль участников, обучающихся в 5–11-х классах русскоязычных школ, репрезентативен для подростковой популяции исследуемых регионов: г. Орска (РФ), а также гг. Актау, Семей, Усть-Каменогорска и Актобе (РК). Критерием включения выступал опыт активного использования интернета и социальных сетей со стажем онлайн-активности не менее года. Процедура сбора данных соответствовала международным этическим стандартам, включая принципы анонимности, конфиденциальности и получение добровольного письменного согласия родителей.

Эмпирической основой работы выступили данные опроса с применением адаптированной русскоязычной версии опросника Coping with Cyberbullying Questionnaire (CWCBQ) (Sticca et al., 2015; адаптация: Утемисова, 2024). Психометрическая валидность и инвариантность между выборками России и Казахстана ($\Delta CFI < 0.01$) обеспечили строгую сопоставимость данных на кросс-культурном уровне (Cheung & Rensvold, 2002) и удовлетворительные психометрические характеристики: экспертный консенсус (согласованность $\geq 80\%$); эксплораторный факторный анализ ($KMO = 0.85$; $\chi^2 = 13691.213$, $p < 0.001$); конфирматорный факторный анализ ($CFI = 0.955$, $RMSEA = 0.036$).

Межкультурная эквивалентность опросника повышает его валидность. Данные результаты подтверждают применимость опросника в межкультурных исследованиях (Утемисова, 2024).

Статистическая обработка проведена в программе SPSS 26.0. Для проверки гипотез использовались количественные методы: корреляционный анализ (Пирсона), U-критерий Манна–Уитни для сравнения независимых выборок, критерий Краскела–

Уоллиса для оценки возрастной динамики и многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для оценки влияния возраста, гендера и страны на выбор стратегий. Выбор параметрических (ANOVA) и непараметрических критериев (Манна – Уитни, Краскела – Уоллиса) обусловлен проверкой соответствия данных предположениям о нормальности распределения (тест Шапиро – Уилка) и гомогенности дисперсий. Для переменных, нарушающих условия параметрических тестов ($p < 0.05$), применялись непараметрические аналоги. Сравнение стратегий по полу (гендерные группы) проводилось с помощью U-критерия Манна–Уитни, так как распределение данных по шкалам «близкая поддержка» и «активное игнорирование» отклонялось от нормального. Для анализа возрастной динамики использовался критерий Краскела–Уоллиса ввиду неравномерного распределения возрастных подгрупп. Многофакторный ANOVA применялся для оценки кросс-культурных различий при соблюдении условия гомогенности дисперсий ($p > 0.05$ по тесту Левена). Совместное использование параметрических и непараметрических методов объясняется необходимостью соблюдения статистических допущений. ANOVA требует нормальности и гомогенности дисперсий, что соблюдалось для кросс-культурных сравнений (стратегии «дистальный совет»: $F=3.281$, $p=0.039$), но не для гендерных групп.

Результаты

Анализ корреляционных связей между стратегиями преодоления кибербуллинга (Таблица 1) выявил гендерно-специфические паттерны. У мальчиков обнаружены статистически значимые взаимосвязи между всеми стратегиями: сильная корреляция «близкой поддержки» с «активным игнорированием» ($r = 0.730$; $p < 0.001$), умеренные связи «дистального совета» с «близкой поддержкой» ($r = 0.560$; $p < 0.001$) и «активным игнорированием» ($r = 0.481$; $p < 0.001$). У девочек доминирует связь «близкой поддержки» с «активным игнорированием» ($r = 0.603$; $p < 0.001$), тогда как связь «дистального совета» с «близкой поддержкой» слабее ($r = 0.391$; $p < 0.001$) и отсутствует значимая корреляция с «активным игнорированием».

Гендерные различия в использовании стратегий выражены следующим образом (Таблица 2): девочки чаще применяют «близкую поддержку» ($M = 24.8 / 21.2$; $U = 16604$, $p = 0.004$) и «дистальный совет» ($M = 15.8 / 13.9$; $p < 0.001$, $U = 13540$, $p < 0.001$), тогда как мальчики предпочитают «выстраивание границ» (мальчики: $M = 12.8 / 12.0$; $U = 17337$, $p = 0.022$).

Возрастная динамика демонстрирует U-образный паттерн для «дистального совета» с пиками в 12 и 16 лет. Кросс-культурные сравнения выявили ориентацию подростков в казахстанской выборке на формальные стратегии, в отличие от российских, предпочитающих цифровую автономию. Мальчики демонстрируют тенденцию к предпочтению «активного игнорирования» ($U = 17797.500$, $p = 0.059$), что, хотя и не достигает стандартного уровня значимости, согласуется с теорией маскулинности, поощряющей избегание демонстрации уязвимости (Cornwall et al., 2016).

Таблица 1

Корреляционные связи между стратегиями преодоления кибербуллинга в группах мальчиков и девочек (коэффициент r Спирмена)

Группа	Пары стратегий	r	p
Девочки ($n=231$)	Дистальный совет – Близкая поддержка	0,391	<0,001
	Близкая поддержка – Активное игнорирование	0,603	<0,001
Мальчики ($n=173$)	Дистальный совет – Близкая поддержка	0,56	<0,001
	Близкая поддержка – Активное игнорирование	0,73	<0,001
	Дистальный совет – Активное игнорирование	0,481	<0,001

Таблица 2

Сравнительный анализ стратегий преодоления кибербуллинга в зависимости от пола подростков (U-критерий Манна – Уитни)

Стратегия преодоления	Мальчики ($n=173$), $M\pm SD$	Девочки ($n=231$), $M\pm SD$	U	p
Дистальный совет (ДС)	13,9±0,4	15,8±0,3	13540	<0,001***
Выстраивание границ (ВГ)	12,8±4,0	12,0±3,6	17337,5	0,022*
Близкая поддержка (БП)	21,2±0,4	24,8±0,3	16604	0,004**
Активное игнорирование (АИ)	13,9±0,3	15,8±0,2	17797,5	0,059

Примечание: $M\pm SD$ – среднее±стандартное отклонение; U – критерий Манна-Уитни;
 * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Помимо выраженных гендерных различий в выборе копинг-стратегий, анализ данных выявил сложную возрастную динамику, демонстрирующую взаимосвязь этапов психосоциального развития с цифровой адаптацией подростков. Анализ данных выявил сложную возрастную динамику стратегий преодоления кибербуллинга, взаимосвязанную с этапами психосоциального развития подростков. Стратегия «Дистальный совет» (ДС) демонстрирует U-образную траекторию с пиками в 12 ($M = 15.27 \pm 6.35$) и 16 лет ($M = 17.05 \pm 4.82$), снижением к 14 годам ($M = 13.87 \pm 4.77$) и стабилизацией к 17 ($M = 16.22 \pm 4.35$) (Таблица 2). Стратегия «Близкая поддержка» (БП) показывает рост с 11 ($M = 22.69 \pm 5.41$) до 17 лет ($M = 26.09 \pm 2.78$), с минимальными значениями в 14 лет ($M = 21.99 \pm 5.87$).

Стратегия «Выстраивание границ» (ВГ) демонстрирует стабильные значения в возрастном диапазоне 11–17 лет ($M = 11.78$ – 12.78) без статистически значимых различий ($N = 3.125$; $p = 0.793$). Минимальные показатели зафиксированы в 12 лет ($M = 11.78 \pm 4.50$), после чего наблюдается повышение к 13–14 годам ($M = 12.46 \pm 3.99$ и 12.41 ± 3.98 соответственно). Максимальные значения достигаются к 16 годам ($M = 12.78 \pm 3.13$), но возрастная динамика не является значимой. Стратегия «Активное игнорирование» (АИ) демонстрирует возрастной рост с 11 лет ($M = 14.48 \pm 3.53$) до 17 лет ($M = 17.00 \pm 2.32$).

Таблица 3

Возрастная динамика стратегий преодоления кибербуллинга ($M \pm SD$)

Стратегия	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	N (p-значение)
Дистальный совет (ДС)	14.23±4.91	15.27±6.35	15.04±4.89	13.87±4.77	15.73±4.62	17.05±4.82	16.22±4.35	17.806 (0.007**)
Выстраивание границ (ВГ)	11.90±3.54	11.78±4.50	12.46±3.99	12.41±3.98	12.45±3.29	12.78±3.13	12.48±3.59	3.125 (0.793)
Близкая поддержка (БП)	22.69±5.41	24.61±4.96	22.76±5.69	21.99±5.87	23.12±4.58	24.93±4.03	26.09±2.78	22.866 (0.001****)
Активное игнорирование (АИ)	14.48±3.53	15.98±3.44	14.67±3.37	14.63±3.87	14.78±3.42	15.05±3.32	17.00±2.32	15.878 (0.014*)

Примечание: $M \pm SD$ – среднее \pm стандартное отклонение; N – критерий Краскела-Уоллиса; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 4

Кросс-культурные различия в стратегиях преодоления кибербуллинга (M ± SD)

Стратегия	Возраст	Россия	Казахстан	F (p-значение)
Дистальный совет (ДС)	11–12 лет	15.3±4.6	16.1±4.4	3.281 (0.039*)
	13–14 лет	13.0±4.7	16.6±5.1	
	15–17 лет	13.2±5.0	17.1±5.0	
Выстраивание границ (ВГ)	11–12 лет	13.4±3.3	13.2±3.6	0.750 (0.473)
	13–14 лет	11.8±3.4	12.1±4.1	
	15–17 лет	11.6±3.7	12.6±4.5	
Близкая поддержка (БП)	11–12 лет	23.8±4.5	24.7±4.0	4.282 (0.014*)
	13–14 лет	22.8±5.5	24.0±4.8	
	15–17 лет	23.2±5.6	25.0±3.5	
Активное игнорирование (АИ)	11–12 лет	15.1±3.0	15.8±2.8	1.891 (0.059)
	13–14 лет	14.8±3.8	15.6±3.2	
	15–17 лет	15.1±3.7	17.0±2.3	

Примечание: M±SD – среднее ± стандартное отклонение; F – критерий ANOVA; *p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001.

Анализ кросс-культурных различий в стратегиях преодоления кибербуллинга (таблица 4) выявил статистически значимые различия между подростками в российской выборке (N=206) и в казахстанской выборке (N=198) по стратегиям *дистального совета* (F=3.281; p=0.039) и *близкой поддержки* (F=4.282; p=0.014). В казахстанской выборке подростки демонстрируют более высокую ориентацию на формальные стратегии:

Дистальный совет: максимальные значения в группе 15–17 лет (M=17.1±5.0) против 13.2±5.0 в российской выборке (p<0.05), что согласуется с культурными нормами коллективизма и клановой поддержки (Lerner et al., 2018; Markus & Kitayama, 1991).

Близкая поддержка: стабильный рост к 15–17 годам ($M=25.0\pm 3.5 / 23.2\pm 5.6$ в российской выборке; $p < 0.05$), подтверждающий роль семейных сетей в постсоветском контексте (Valpeisova et al., 2019).

В казахстанской выборке доминирует стратегия *активного игнорирования*, особенно в старшей возрастной группе ($M=17.0\pm 2.3 / 15.1\pm 3.7$; $p=0.059$), что отражает тенденцию к цифровой автономии (Hofstede, 2011; Soldatova & Rasskazova, 2023). Хотя в общей выборке наблюдается рост «активного игнорирования» (таблица 2) с возрастом (от 14.48 в 11 лет до 17.00 в 17 лет), кросс-культурный анализ выявляет нюансы. В российской выборке значения для старших подростков (15–17 лет: $M = 15.1 \pm 3.7$) демонстрируют меньший прирост по сравнению с казахстанской выборкой ($M= 17.0 \pm 2.3$), где стратегия более выражена и однородна. Частичное пересечение стандартных отклонений указывает на значительную внутригрупповую вариативность в российской выборке, что может быть связано с различиями в цифровой автономии и культурных нормах.

Возрастная динамика (таблица 3) показывает: для *дистального совета* в казахстанской выборке наблюдается линейный рост с 11–12 лет ($M=16.1\pm 4.4$) до 15–17 лет ($M=17.1\pm 5.0$), тогда как в российской выборке – снижение ($15.3\pm 4.6 - 13.2\pm 5.0$), что подтверждает U-образный паттерн, описанный в таблице 2.

Выстраивание границ демонстрирует незначимые изменения ($F=0.750$; $p=0.473$), с тенденцией к снижению в российской выборке ($13.4\pm 3.3 - 11.6\pm 3.7$) и слабому росту в казахстанской выборке с 13 лет ($12.1\pm 4.1 - 12.6\pm 4.5$), что может быть связано с кризисом автономии в индивидуалистических культурах (Erikson, 1968).

Гендерные различия (таблицы 1-2) дополняют картину: девочки значимо чаще используют *близкую поддержку* и *дистальный совет*, что соответствует теории гендерной социализации (Eagly & Wood, 2012; Tamres et al., 2002). У мальчиков доминирует *активное игнорирование*, коррелирующее с инструментальным копингом (Lazarus & Folkman, 1984).

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают мультифакторную природу кибербуллинга, формирующегося под влиянием нейробиологических, возрастных, гендерных и культурных детерминант. В возрасте 12–14 лет, характеризующемся нейробиологическим дисбалансом между лимбической системой и префронтальной корой (Stone & Dahl, 2012), подростки демонстрируют повышенную импульсивность. Однако ее проявление опосредовано культурным контекстом: в казахстанской выборке она смягчается за счет доминирования стратегии «активного игнорирования» и обращения к «близкой поддержке», тогда как в российской выборке отсутствие подобного смягчения повышает риски дезадаптации (Fahy et al., 2016). Культурные нормы индивидуализма, доминирующие в российской выборке, усиливают тенденцию

к автономии, маскируя эмоциональные потребности, что отражается в U-образном паттерне снижения значимости «дистального совета» к 14 годам после пика в 12 лет. К 15–17 годам нейрокогнитивное созревание способствует становлению более адаптивных стратегий (Crone & Dahl, 2012): казахстанские подростки эффективно используют семейные ресурсы, в то время как в российской выборке ранее сформированный акцент на «выстраивание границ» может маскировать эмоциональное избегание, что повышает риски социальной изоляции (Fahy et al., 2016). Гендерные различия остаются устойчивым паттерном: девочки значимо чаще обращаются к «близкой поддержке», что согласуется с теориями гендерной социализации, акцентирующими роль эмпатии и социальной связанности (Eagly & Wood, 2012). Мальчики, напротив, предпочитают инструментальные стратегии, такие как «активное игнорирование», отражая нормы маскулинности, поощряющие избегание демонстрации уязвимости (Gutmann & Vigoya, 2018). Выявленные корреляции подтверждают, что гендерные различия в стратегиях преодоления кибербуллинга формируются под влиянием социальных ожиданий и могут быть интерпретированы в логике теории социальных ролей (Eagly & Wood, 2012). Так, у мальчиков сильная связь между «близкой поддержкой» и «активным игнорированием» отражает внутреннее противоречие маскулинных норм: вынужденное обращение за помощью сочетается с сохранением видимости самостоятельности. Умеренная связь «дистального совета» с «активным игнорированием» демонстрирует прагматичный переход к избеганию после исчерпания формальных ресурсов. У девочек умеренная связь «близкой поддержки» с «активным игнорированием» отражает баланс между эмпатией и самозащитой, а слабая связь «дистального совета» с другими стратегиями подтверждает предпочтение неформальной, эмоционально-насыщенной поддержки. Таким образом, мальчики адаптируются к маскулинным нормам через инструментальные и избегающие стратегии, а девочки следуют фемининным ролям с акцентом на эмоциональной поддержке. Данные Wright (2017) о том, что подростки с маскулинными чертами чаще используют кибервербальную агрессию в онлайн-играх, а женственные черты коррелируют с киберагрессией в социальных сетях, согласуются с нашими выводами и подчеркивают, что цифровые инструменты не только усиливают агрессию, но и реконструируют гендерные роли в онлайн-пространстве. Это определяет необходимость гендерно-чувствительных подходов в профилактике кибербуллинга, особенно в свете выявленной связи между избеганием и долгосрочной эмоциональной уязвимостью (Карауш и др., 2020).

Культурный контекст играет ключевую роль в выборе копинг-стратегий. В казахстанской выборке, где доминируют коллективистские ценности (Hofstede, 2011), подростки чаще обращаются к формальным институтам и семейной поддержке, что согласуется с исследованиями роли клановых сетей в постсоветских обществах (Balpeisova et al., 2019). Результаты демонстрируют, как клановые структуры Казахстана в рамках гибридной идентичности (Маклюэн, 2007) становятся цифровым «продолжением» коллективистских ценностей. Высокие показатели «близкой поддержки» и «дистального совета» у казахстанских подростков 15–17 лет отражают

синтез онлайн- и офлайн-практик, где обращение за помощью к авторитетам воспринимается как естественное расширение социальных взаимодействий. В российской выборке, напротив, доминирование «активного игнорирования» и снижение «выстраивания границ» к 15–17 годам указывает на иную траекторию гибридности: цифровая автономия становится инструментом дистанцирования от эмоциональных рисков, что согласуется с индивидуалистическим контекстом, где онлайн-идентичность чаще противопоставляется офлайн-ролям. Это отражает кризис цифровой саморегуляции, предсказанный теорией «цифрового разлома» (Смирнов, 2023), и требует интеграции тренингов эмоциональной компетентности в образовательные программы (Soldatova et al., 2019). Выявленные кросс-культурные и возрастные различия получают дополнительное объяснение в контексте взаимодействия алгоритмически сконструированных атрибутов идентичности и социокультурных норм. Исследование Ehn & Pita (2023) демонстрирует, что алгоритмы платформ формируют динамическую матрицу идентичности, где пользователи балансируют между статичными и изменчивыми атрибутами. Однако этическая непрозрачность алгоритмов («чёрный ящик»), как подчёркивают Ionescu & Licu (2023), трансформирует сам процесс совладания: подростки взаимодействуют не с объективными алгоритмами, а с их субъективными ментальными репрезентациями, сформированными через призму культурных фильтров.

Возрастная динамика стратегий демонстрирует нелинейные паттерны. U-образная траектория «дистального совета» (пики в 12 и 16 лет) отражает этапы психосоциального развития по Эриксону (1968): поиск внешних авторитетов в раннем пубертате и их переоценку в позднем подростковом возрасте. Снижение «выстраивания границ» к 13–14 годам может быть связано с кризисом автономии, усиливающимся в условиях цифровой гиперподключенности (Солдатова & Войскунский, 2021), что согласуется с международными исследованиями роли технологий в трансформации социального взаимодействия (Boyd, 2014; Smahel et al., 2020)

Результаты данного исследования расширяют выводы проекта EU Kids Online (Smahel et al., 2020), демонстрируя, как культурный контекст модифицирует проявления кибербуллинга и стратегии совладания. В то время как EU Kids Online выявил высокую распространенность кибербуллинга в Европе, а также акцентирует гендерное равенство в использовании формальных стратегий, наши данные выявили значимые кросс-культурные и гендерные различия. Например, в казахстанской выборке показатель обращения к «дистальному совету» превысил среднеевропейские данные, а девочки значительно чаще применяли «близкую поддержку», что противоречит европейскому тренду к гендерной нейтральности и может объясняться сохранением традиционных ролей в постсоветских обществах. Кроме того, если европейские исследования описывают линейный рост цифровой автономии, в российской выборке выявлен U-образный паттерн для «дистального совета», что связано с кризисами подростковой идентичности в индивидуалистическом контексте. Таким образом, культурные и возрастные факторы не только дополняют, но и усложняют общеевропейские выводы,

требуя локализованных решений. Таким образом, кибербуллинг представляет собой самостоятельный феномен гибридной реальности, а не вторичный по отношению к офлайн-агрессии (Wolke et al., 2017). Цифровая идентичность проявляется как наложение атрибутов, где поверх традиционных социальных ролей (Soldatova et al., 2022) накладываются алгоритмически сконструированные атрибуты (Ehn & Pita, 2023), а устойчивость к киберагрессии становится индикатором адаптивности.

Ограничения исследования и перспективы дальнейших исследований

Ограничения исследования включают риск смещений, связанный с использованием самоотчетов, неравномерность возрастных подгрупп (напр., 17 лет) и культурную специфику выборки, что сужает возможности генерализации результатов. Несмотря на согласованность с данными проектов EU Kids Online (Smahel et al., 2020) и «Дети России онлайн» (Солдатова и др., 2019), необходимы лонгитюдные исследования для оценки долгосрочных эффектов выявленных стратегий, особенно «активного игнорирования», которое, по данным Fahy et al. (2016), может усиливать риски дезадаптации. Перспективным направлением является изучение того, как алгоритмические изменения цифровых платформ (например, переход TikTok к 10-минутным видео) трансформируют идентификационные матрицы и стратегии совладания в динамике, особенно в условиях культурного разнообразия. На глобальном уровне перспективным направлением является внедрение VR-симуляторов для тренировки эмоциональной регуляции, что подтверждается метааналитическими данными (Steinberg et al., 2018). Эти меры могут стать основой для создания комплексных систем профилактики, учитывающих как универсальные, так и культурно-специфические аспекты кибербуллинга.

Для казахстанской выборки эффективны семейно-ориентированные подходы, интегрирующие клановые структуры в цифровые платформы, тогда как в российской выборке приоритетом должно стать развитие критического мышления и технологической самоэффективности (Soldatova et al., 2019). Однако, как предупреждает Смирнов (2023), цифровые инструменты должны играть вспомогательную роль, не заменяя живого взаимодействия, чтобы предотвратить «событийный сдвиг» – перенос ценностных акцентов в виртуальную реальность (Смирнов, 2023, с. 49).

Выводы

1. Девочки значимо чаще используют как стратегии преодоления кибербуллинга *близкую поддержку* и *дистальный совет*, тогда как мальчики чаще используют *выстраивание границ* и демонстрируют тенденцию к предпочтению активного игнорирования;

2. Возрастная динамика характеризуется нелинейностью: пик использования дистального совета наблюдается в раннем подростковом возрасте с последующим снижением в среднем подростковом периоде и восстановлением к старшему

подростковому возрасту. Близкая поддержка достигает максимальных значений к концу подросткового периода, тогда как активное игнорирование постепенно усиливается с возрастом;

3. Культурные различия играют ключевую роль: в казахстанской выборке доминируют дистальный совет и близкая поддержка, что отражает влияние коллективистских ценностей и клановых сетей. В российской выборке отмечается тенденция к активному игнорированию, особенно среди старших подростков, на фоне снижения выстраивания границ, что может быть связано с кризисом цифровой саморегуляции в индивидуалистическом контексте;

4. Гендерные взаимосвязи между стратегиями также варьируются: у мальчиков выявлена сильная связь между близкой поддержкой и активным игнорированием, а также умеренная связь дистального совета с активным игнорированием. У девочек доминирует умеренная связь близкой поддержки с активным игнорированием, тогда как дистальный совет слабо коррелирует с другими стратегиями.

Заключение

Практические выводы подчеркивают необходимость:

1. Для казахстанской выборки – программ, интегрирующих клановые структуры в цифровую поддержку.
2. Для российской выборки – тренингов технологической самоэффективности.

Таким образом, исследование вносит вклад в исследования цифровой социализации, и подтверждает, что культурные нормы и возрастные изменения решающим образом формируют стратегии преодоления кибербуллинга в условиях гибридной реальности.

Литература

- Выготский, Л. С. (1984). *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4.* Государственное педагогическое издательство.
- Карауш, И. С., Куприянова, И. Е., & Кузнецова, А. А. (2020). Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. *Суицидология*, 11(1), 1–15.
- Смирнов, С. А. (2023). Л.С. Выготский и цифра: вызов для культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 19(2), 41–51. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190205>
- Солдатова, Г. У., & Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 45–67.
- Солдатова, Г. У., & Рассказова, Е. И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, 14(3), 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность.* Смысл.
- Утемисова, Г. У. (2024). Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга: структура и первичные психометрические характеристики. *Психология человека в образовании*, 6(3), 362–383. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-3-362-383>

- Утемисова, Г. У. (2024). Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга: Первичные психометрические характеристики. В *VII Международная научно-практическая конференция Герценовские чтения: психологические исследования в образовании* (стр. 7). <https://herzenpsyconf.ru/wp-content/uploads/2024/12/80-utemissova.pdf>
- Arnett, J. J. (2016). Does emerging adulthood theory apply across social classes? National data on a persistent question. *Emerging Adulthood*, 4(4), 227–235. <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>
- Balpeisova, S. A., Utemisova, G. U., Kushzhanov, N. V., Maidangalieva, Z. A., & Summers, D. G. (2019). Mediation in the education system. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social and Humanitarian Sciences*, 1(323), 23–31.
- Boyd, D. & Deogracias, A.: It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. *J Youth Adolescence* 44, 1171–1174 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10964-014-0223-7>
- Brewer, G., & Kerlake, J. (2015). Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness. *Computers in Human Behavior*, 48, 255–260. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.01.073>
- Cheung, G. W., & Rensvold, R. B. (2002). Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance. *Structural Equation Modeling*, 9(2), 233–255. https://doi.org/10.1207/S15328007SEM0902_5
- Crone, E. A., & Dahl, R. E. (2012). Understanding adolescence as a period of social-affective engagement and goal flexibility. *Nature Reviews Neuroscience*, 13(9), 636–650. <https://doi.org/10.1038/nrn3313>
- Eagly, A. H. (1987). *Sex differences in social behavior: A social-role interpretation*. Psychology Press.
- Eagly, A. H., & Wood, W. (2012). Social role theory of sex differences. In J. C. Chrisler & D. R. McCreary (Eds.), *The Wiley-Blackwell handbook of the psychology of gender and sexuality* (pp. 31–55). Wiley Blackwell. <https://doi.org/10.4324/9780203781906>
- Ehn, K., & Pita, M. M. (2023). Algorithmic Influence of TikTok: Mixed method study of digital nomads and their online identity attributes [Conference abstract]. *3rd World Conference on Media and Communication*. <https://www.dpublication.com/abstract-of-3rd-worldcmc/w29-837/>
- Erikson, E. H. (1968). *Identity: Youth and crisis*. W.W. Norton & Company.
- Fahy, A. E., Stansfeld, S. A., Smuk, M., Smith, N. R., Cummins, S., & Clark, C. (2016). Longitudinal associations between cyberbullying involvement and adolescent mental health. *Journal of Adolescent Health*, 59(5), 502–509. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2016.06.006>
- Görzig, A., & Macháková, H. (2015). *Cyberbullying from a socio-ecological perspective: A contemporary synthesis of findings from EU Kids Online*. EU Kids Online.
- Cornwall, A., Karioris, F. G., & Lindisfarne, N. (Eds.). (2016). *Masculinities Under Neoliberalism*. Zed Books. <http://dx.doi.org/10.5040/9781350221307>
- Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *International Journal of Behavioral Medicine*, 18(4), 403–404. <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=orpc>
- Hofstede Insights. (2024). Country Comparison Tool. The Culture Factor. Retrieved March 3, 2026, from <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool>
- Ionescu, C. G., & Licu, M. (2023). Are TikTok Algorithms Influencing Users' Self-Perceived Identities and Personal Values? *A Mini Review. Social Sciences*, 12(8), 465. <https://doi.org/10.3390/socsci12080465>
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. Springer Publishing Company.
- Lerner, R., Lerner, J., von Eye, A., Ostrom, C., Nitz, K., Talwar-Soni, R., & Tubman, J. (2018). Continuity and discontinuity across the transition of early adolescence: A developmental contextual perspective. In J. A. Graber, J. Brooks-Gunn, & A. C. Petersen (Eds.), *Transitions through adolescence: Interpersonal domains and context* (pp. 3–22). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315789286-1>

- Livingstone, S., & Helsper, E. J. (2008). Parental mediation of children's internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 52(4), 581–599. <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>
- Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., Olafsson, K., Livingstone, S., & Hasebrink, U. (2020). *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. EU Kids Online, The London School of Economics and Political Science. <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj010fo>
- McLuhan, H. M. (1964). *Understanding media: The extensions of man*. McGraw-Hill: MIT Press.
- Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
- McCarthy, N. (2018, October 10). Where cyberbullying is most prevalent [Infographic]. *Statista*. Retrieved from <https://www.statista.com/chart/15926/the-share-of-parents-who-say-their-child-has-experienced-cyberbullying/>
- Smahel, D., Machackova, H., Mascheroni, G., Dedkova, L., Staksrud, E., Ólafsson, K., Livingstone, S., & Hasebrink, U. (2020). *EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries*. LSE Publishing. <https://doi.org/10.21953/lse.47fdeqj010fo>
- Steinberg, L., Icenogle, G., Shulman, E. P., Breiner, K., Chein, J., Bacchini, D., Chang, L., Chaudhary, N., Di Giunta, L., Dodge, K. A., Fanti, K. A., Lansford, J. E., Malone, P. S., Oburu, P., Pastorelli, C., Skinner, A. T., Sorbring, E., Tapanya, S., Uribe Tirado, L. M., ... Takash, H. M. S. (2017). Around the world, adolescence is a time of heightened sensation seeking and immature self-regulation. *Developmental Science*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/desc.12532>
- Sticca, F., Machmutow, K., Stauber, A., Perren, S., Palladino, B., Nocentini, A., Menesini, E., Corcoran, L., & Mc Guckin, C. (2015). The coping with cyberbullying questionnaire: Development of a new measure. *Societies*, 5(2), 515–536. <https://doi.org/10.3390/soc5020515>
- Tamres, L. K., Janicki, D., & Helgeson, V. S. (2002). Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review and an examination of relative coping. *Personality and Social Psychology Review*, 6(1), 2–30. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0601_1
- Wolke, D., Lee, K., & Guy, A. (2017). Cyberbullying: A storm in a teacup? *European Child & Adolescent Psychiatry*, 26(8), 899–908. <https://doi.org/10.1007/s00787-017-0954-6>
- Wright, M. F. (2017). The role of technologies, behaviors, gender, and gender stereotype traits in adolescents' cyber aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 35(7-8), 1719–1738. <https://doi.org/10.1177/0886260517696858>

Поступила в редакцию: 11.09.2025

Поступила после рецензирования: 24.12.2025

Принята к публикации: 12.01.2026

Заявленный вклад авторов

Гульмира Укатаевна Утемисова – концептуализация исследования, проведение статистического анализа, интерпретация результатов, написание исходного текста (обзор литературы и обсуждение), подготовка текста статьи, оформление статьи в соответствии с требованиями журнала.

Анастасия Владимировна Микляева – научное руководство исследованием, координация сбора данных, формирование теоретического обзора, разработка методологии, критический пересмотр рукописи с внесением существенного интеллектуального вклада, утверждение финальной версии статьи.

Информация об авторах

Гульмира Укатаевна Утемисова – магистр социальных наук по специальности «Психология», старший научный сотрудник, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан; SPIN: 4417-7948; ResearcherID: Q-7062-2017, С-5850-2018; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3229-5256>; e-mail: gulmira.8777ra@gmail.com

Анастасия Владимировна Микляева – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, SPIN-код: 9471-8985; e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.